

18+

Нина Заря-Абрамович

Полковник

Рассказы

Нина Заря-Абрамович
Полковник. Рассказы

«Издательские решения»

Заря-Абрамович Н.

Полковник. Рассказы / Н. Заря-Абрамович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531100-9

Рассказы восхитительные. Остановку метро проедете, котлеты сгорят. И это говорю вам я, Абрам Цукерман, литературный агент. Рассказы «Папа жениться хочет» и «Карамельки для Алочки» ранее были опубликованы в сборнике «Друг из Якутии»

ISBN 978-5-00-531100-9

© Заря-Абрамович Н.
© Издательские решения

Содержание

ПОЛКОВНИК	6
ГВОЗДЬ	9
ЖОРА	11
Два поцелуя для шведа ОЛЕ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Полковник Рассказы

Нина Заря-Абрамович

© Нина Заря-Абрамович, 2021

ISBN 978-5-0053-1100-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОЛКОВНИК

Найти ночлег в Москве – дело плевое. Если у тебя есть мешочек с бабками. А наш с Алексом мешочек прогрызли ненасытные киевские грызуны.

Но разве это препятствие для человека с авантюрной душой? Особенно, если у тебя в Москве есть подружки, фанатеющие от гостеприимства.

У меня есть. Аж три. И все они разом предложили мне русские щи, диван и горячий душ.

И мы с Алексом рванули в Москву. Правда, подружкам о том, что я буду не одна, а с Алексом я ничего не сказала.

С киевского вокзала я набираю телефон подружек.

И все они, узнав про Алекса, тут же сочиняет подозрительные происшествия. У одной домик «сгорел» накануне нашего приезда.

У другой в ее трешку вдруг срочно понаехали родственники.

И даже самая надежная подружка, всегда радостно уступавшая мне уютную комнатку в своей хрущевке или же спальню на даче, заартачилась.

– Ты с ним расписана?

– Нет. Он... э-э-э... мой компаньон.

– Тогда грех тебе с ним ночевать у меня. Это блуд!

– Почему же? Мы не собираемся блудить.

– Если бы вы были расписаны, то, пожалуйста, ко мне, на дачу. Я бы ему под яблоней раскладушку постелила. А так, это блуд!

Расписываться с Алексом не входило в мои планы. И потому в Москве мы остались без ночлега.

Вечер. Проспект Кутузова. Алекс с погасшими глазами мостится на занозистой скамейке у безучастного серого дома. И стоически молчит, хотя другой мужик давно бы сожрал меня за такой авантюризм.

В окнах счастливых москвичей зажигаются огни. А у нас... скамейка.

И я утешаю Алекса, сейчас все решим, скамейка – это вариант последний. И я направляюсь к светофору.

Тоня, грузная тетка, лет за 50, плывет по зебре. Я иду навстречу Тоне. Когда мы пересекаемся посреди дороги, я, вдруг, и говорю ей.

– Дама! Мне негде переночевать. Я из Киева. Пустите меня к себе. Хоть на коврик в коридоре...

Тоня останавливается. Недоуменно вглядывается в меня. Изучает цепким взором. Молчит. Но не двигается. Загорается красный свет. Мы стоим посреди дороги. Машины начинают сигналить. И Тоня, схватив меня за рукав, срывает с центра дороги.

– Пошли! Но у меня однокомнатная квартира.

– Ой! Спасибо! Невероятно! Но я не одна! Со мной друг, компаньон и помощник по хозяйству... Алекс его зовут. Он хороший!

Наверное, моя наглость Тоню обезоружила.

Короче, начали мы жить втроем.

Тоня категорично переселилась на кухонную лоджию, огромную, обшитую деревом. На диваны. Нам отдала шикарную комнату. Хотя, я искренне протестовала и смущалась первое время, и не желала таких жертв.

Прожили мы с Тоней два месяца.

Я умыла до блеска Тонину запущенную квартиру. И даже, почти с армейской строгостью, следила за порядком. А Тоня в шутку величала меня Полковником.

Я бегаю на работу. Устроилась к двоим Шерлокам Холмсам помощницей. Но совсем не миссис Хадсон. Та, с рекламой «Услуги юристов» не ловила клиентов у здания суда, как это делала я.

Мои два патрона не успевали переводить дух, когда к ним, в маленький офис, гуськом, один за одним, являлись люди на консультацию.

К слову, пока я вела клиентов в офис, ярких историй наслушалась! Какие же у нас люди изобретательные, когда делят недвижимость! Сестры родные, дети с родителями бьются насмерть за квадратные метры!

Так вот, я совершаю подвиги у здания суда. Деньги каждый день домой приношу. А в это время Алекс по хозяйству у Тони хлопочет. Ремонт делает мелкий. И вдвоем с Тоней бухают – она оказалась, любительницей. А тут компаньон. И не откажешь ведь! Гость-раб хозяина. Алекс только и успевает в гастроном бегать, зажав в руках Тонины тысячи.

Когда я прихожу домой с работы, меня радостно встречает эта веселая компания. И Тоня произносит, икая и утирая вдруг наплывшую слезу.

– Не ругайся, Полковник! Это же счастье! Жить семьей. Ты даже не представляешь, какое это счастье!

Поведала нам Тоня свою грустную историю. Она давно живет отшельником, семьи у нее нет. Когда -то была замужем, за офицером МВД. Он был Полковник. Работать ей запретил. Властный, требовательный, за каждый промах Тони отчитывал ее, как свой

личный состав, нерадивый, еще желторотый. Потом с таким же усердием начал муштровывать и подростка сына. Порядок очень любил в доме. Особенно ярился он от пыли на стеклах, зеркалах. Чуть заметит ничтожную пылинку, сразу разгон в семье. Как-то перед возвращением полковника из командировки Тоня с сыном наводили блеск в доме. Сын высунулся за окно высотки, протирая стекла, и сорвался...

Тоня наливает себе водки, Алекс подает ей соленый огурчик. Она едва сдерживает слезы, ее голос меняется, хрипит и она рассказывает дальше. С полковником она рассталась, не смогла жить дальше. Да, он быстро утешился со своей секретаршей. А Тоню отселил вот в эту однушку. О нем она больше ничего не слыхала. Вычеркнула из памяти. И лишь под чарочку водочки, да под теплый разговор, вот вдруг и вспоминает. А сын ее сейчас был бы в летах Алекса. И Тоня притягивает голову Алекса к груди и целует его в макушку.

Мы с Алексом тоже обнимаем Тоню. У Алекса дрожит слеза на глазах. И мне понятно это. Мать для него-святое. Она для него Матушка. Когда Алексу было 12 лет, матушка возвращалась домой с работы. Но колесо грузовика сорвалось с оси и, влетев ей в голову, распластало на земле...

Отселившись в эту квартиру на Кутузова, Тоня сразу нашла себе занятие, первое, попавшееся. И ушла в него с головой. Работала на киностудии, в охране.

Я сразу начала допытываться у нее. Что за киностудия? Мосфильм? Имени Горького? Каких актеров она видела? Тоня ускользнула от прямого ответа, деталей не стала раскрывать. Киностудия, обычная. Мало известная.

А как – то Тоня, очень подшофе, проговорилась. Я сразу и не поняла. Но Алекс мой, выросший в поселении с зоной особого режима, сообразил мигом, что это была за киностудия. С рецидивистами-полосатиками.

А Тоня работала на этой «киностудии» контролером. Долго работала. А потом дослужилась до целого Полковника.

Мы с Алексом молча слушаем Тоню. Про ее артистов. А Тоня, пьяненькая, сползает с кресла на пол паркетный и отчаянно тянет песню: «Любовь нечаянно нагрянет...»

А потом, мне так искренне и говорит.

– Полковник! А ты веришь в любовь с первого взгляда?

Мы с Тоней перезваниваемся. Она очень одинока.

А я вот, бесстыжая, увезла домой Алекса, к которому Тоня прикипела душой.

Мы, конечно, Тоню тоже полюбили. И нам ее не хватает. Любовь, она странная штука. Она ж нечаянно нагрянет...

Вот кончится карантин, и тогда мы позовем Тоню в Киев и снова заживем дружной семьей. И пусть она поет про любовь и рассказывает Алексу о своей киностудии.

14.01.2021 Киев-Москва

ГВОЗДЬ

Ржавый гвоздь, на котором висит полотенце в ванной, – это все, что осталось от моего мужа, сбежавшего к дочери моей лучшей подруги. Абсолютно все свои вещи и часть общего имущества муж тайно вывез на машине, когда меня не было дома. Каждый раз я с досадой обнаруживаю недостачу: синее одеяло, норковый жилет, светильник, в виде обнаженной нимфы, часы, говорящие с китайским акцентом, кресло-качалка, надувная лодка... Видать, новое гнездышко с молодой женой требовало уюта, и муж старательно позаботился об этом. Очевидно, возрадовалась за зятя-добытчика и новая теща моего мужа, бывшая моя подруга.

Гвоздь все время цепляет полотенце и ему давно надо бы сделать замену. Купить нормальный крючок. Но этот гвоздь, второпях и временно вбитый моим мужем, был для меня так же дорог, как и воспоминания о прошлой, вполне удачной жизни, хоть и омраченной тройным предательством. И я даже оправдываю мужа. Оставив за собой выжженное поле, кроме этого забытого гвоздя, он таким образом напоследок позаботился и обо мне. Зачем волновать брошенную жену!

Но каждый раз, срывая полотенце, я попадаю в вспышку прошлого, что ржавым гвоздем царапает мою израненную душу.

Иногда я полна решимости. Хватит таскать за спиной рюкзачок с дерьмом воспоминаний! Что за мазохизм! Но рука моя, вооруженная гвоздодером, застывает над шляпкой гвоздя.

Нет! Не могу. Пусть пока будет так. Это же его единственный след в моей жизни.

Утром я выхожу на прогулку с Тузиком. Пес, пылесосом носом асфальт, тянет меня в кусты соседнего дома. А там дворник сгребает осеннюю листву и утрамбовывает ее в самодельную тележку из досок. Я часто вижу этого парня, с медицинской маской во все лицо. И мне всегда хочется ему сказать, что на свежем воздухе маска не нужна. И вот сейчас я направляюсь к нему именно с этим благим советом.

И тут мой взгляд выхватывает на тележке с листвой красный бант. Но не бант тут главный фигурант. Бант этот висит на... роскошном антикварном крючке. Я рассматриваю крючок. И я в щенячьем восторге. Крючок в виде молодого месяца, с лицом импозантного мужчины. Из меди, с благородной патиной. Прикручен на двух болтах к тележке из досок.

– Продайте мне эту штучку! – говорю я, ощупывая крючок и нахально уставившись на парня.

От неожиданности парень замирает и его грабли, с падающими с них листьями, застывают в воздухе. Он не отказывает мне и не дает согласия. Он молча читает мое лицо.

– У меня только 45 гривен. – наступаю я, выворачивая кошелек. – Но через пару дней я получу деньги и принесу вам еще столько же. Или больше, если скажете.

Парень, молча оставляет тележку с бесценным для меня крючком и уходит в каптерку для дворника. Неужели я его обидела, и он сбежал?

Но через минуту парень возвращается с отверткой.

Я сую ему в карман деньги и искренне обещаю принести вторую часть образовавшегося долга. Но дворник, скрутив крючок, не торопится отдавать его мне.

– Му-му- мы... – жестикулирует он, и я понимаю, что не в прилипшей к лицу маске тут дело. Дворник немой, как тот тургеневский Герасим.

Я, подавив шок, жестами начинаю ему объяснять, что я принесу деньги еще. Что я живу вон в том доме и что я вполне честный человек. Последнюю фразу я усиливаю руками, сложенными у сердца. А потом жестами показываю ему, что маска на лице, если нет рядом людей, лишняя.

Герасим, казалось, понял меня и, стянув грязный одноразовый намордник, послушно протянул мне крючок.

Мой щенячий восторг куда – то улетучился. И мне даже стало как-то стыдно. Отобрать у несчастного игрушку!

Через пару дней я получаю деньги и вместе с Тузиком разыскиваю дворника у соседнего дома. Разговорчивая консьержка поясняет мне. Оказывается, парня зовут Сергей. Он немой. И безобидный. Приехал в Киев из Нежина, вместе с десантом консьержек. И трудится тут уже третий год. А вот и он сам! Я отдаю дворнику двести гривен, на глазах у любопытной консьержки, и моя совесть почти успокаивается.

Крючок висит на двери в ванной. Полотенце теперь легко соскальзывает с медной его поверхности, в виде молодого месяца, с лицом импозантного мужчины. А ржавый гвоздь, шляпку которого я едва не оторвала кусачками, покоится в ящичке прихожей. В прозрачном пакете. Это все, что осталось от моего мужа, утешившегося с дочерью моей лучшей подруги. И, скорее всего, я все -таки выброшу этот гвоздь в мусор, как воспоминания о вполне удачном прошлом, омраченном тройным предательством.

Вот только медная морда крючка, каждый раз, как я сдергиваю с него полотенце, яркой вспышкой гонит ко мне образ несчастного дворника с соседнего дома. А мои руки так и чешутся, содрать крючок и вернуть эту игрушку немому Герасиму.

И, наверное, я наведаюсь в обычный строительный магазин за новенькой вешалкой, без этого шлейфа воспоминаний, ранящих мою тонкую психику.

21.10.2020

ЖОРА

Олечка ревностно глянула на эту хныкающую собачонку в руках ее встревоженной хозяйки, беспрестанно целующей той мордочку и выдала пленку с описанием перелома лапы. Хозяйка, дамочка за пятьдесят, в стильной шляпке и потертой норковой шубке, рассыпалась в благодарностях и сунула Олечке в карман халата деньги. Олечка смущенно улыбнулась. Сюда, в рентген кабинет лаборатории института травматологии и ортопедии посторонним был вход воспрещен. Заходили лишь свои, по звонкам. Дамочка эта навевалась сюда уже вторично. Ее собачка мелкой породы упала в лестничный проем, застряв между этажами- это так муж дамочки неудачно вывел псинку на прогулку. И теперь эта дамочка снова мучала Олечку опасениями: срастется ли лапка у Габи после повторной операции и не будет ли она хромоть.

Было начало седьмого. Олечка накинула пальто и выпорхнула из кабинета. Проходя мимо лаборатории она видела, как Доктор Костюченко, засучив рукава выше локтей, мыл тщательно пальцы. Олечка хотела проشمыгнуть мимо незамеченной. Но доктор окликнул ее и уведомил, что Жоре не требуется назначенный ранее рентген. Он уже отработанный материал. Так что в понедельник Жору в утиль...

Олечка кивнула доктору и заторопилась из здания лаборатории. Она хотела выйти на улицу через парадное. Но, секунду подумав, свернула налево и пошла на задний двор.

Всегда, когда Олечка шла мимо него, он пожирал ее глазами. И в этих глазах его, грустных и обреченных, вспыхивала надежда.

И вот теперь Олечка на секунду останавливается перед ним и тянет ему печенюшку. Он сглатывает угощение, не прожевав его и не сводя взгляда с благодетельницы. Он большой лохматый, на длинных ногах. Метис, цвета овчарки, в генах которого перемешалось, должно быть, не одно поколение дворняжек. Он еле держится на слабых лапах. Его хвост, безвольно касаясь пола клетки, едва шевелится в приветствии. И кажется, что в его теле живыми остаются только глаза. Они буравят ее той нечеловеческой притягательной силой, из-за которой Олечка потеряла покой.

Олечка дотрагивается до его лба кончиками пальцев и, стыдливо пряча свои глаза, шмыг-шмыг к выходу и на улицу.

Автобуса долго нет. На крышу остановки льет дождь. И мучительные мысли разъедают Олечке ее душу.

В этой лаборатории, при институте травматологии и ортопедии, Олечка работает с полгода. И до сих пор не может привыкнуть к экзотическим картинкам на тему фауны, где героями сюжетов есть крысы, мыши, хомячки и собаки. Картинки в тяжелых золоченых рамках заполняют ее голову и их трудно заменить иными холстами. Даже, когда Олечка по выходным специально заглядывает в картинные галереи города. Но пусть эти шедевры остаются в стенах экспериментальной лаборатории. И потому об их деталях, дабы не смущать впечатлительного читателя, нет цели распространяться.

Некоторое время назад доктор Костюченко и новый аспирант Церковный, периодически выносили из операционной серую простыню, обвисяющую тяжестью книзу и без церемоний переваливали ее в клетку. Олечка описывала потом на снимках рентгена сломанные, а позже сращенные кости конечностей пса. Жора, как и десятки подопытных животных институтского вивария, служил на благо науке медицине. А аспирант Церковный, как знает Олечка, работал над диссертацией. Тема что-то там «Посттравматические расстройства кровоснабжения в опорно-двигательной системе...».

Это был обычный пес-дворняжка овчарочьего цвета. Ему очень шло имя Полкан. Он сразу почувствовал, что попал, когда аспирант Церковный с каким-то подвыпившим бомжем накинули на него сетку и бросили в багажник. Как жалел этот молодой пес, что доверился

этим «добрым людям», подавшим ему кусок колбасы у магазина, из которого несло оборотительным продуктовым духом! Если бы не чувство голода, он бы не оказался в этом Освенциме. Когда Церковный затащил сетку с Полканом в лабораторию, доктор Костюченко, оглядев добычу, ухмыльнулся:

– О! Как на моего тестя Жору похож!

Так Полкан получил новое имя Жора.

У него были такие глаза! Живые, все понимающие и обреченные. Он так смотрел на пробегающую мимо Олечку, что ее сердце всякий раз сжималось от жалости к несчастному псу. Олечка знала, что Жору, как и всех отработанных животных, ждет укол. Отсюда никто живым не выбирался. Даже общему любимцу Ваське, вечному мученику и невероятному живчику, истыканному канюлями, и преданно, взалхб приветствующему своих мучителей, остаться в живых не удалось. Васькой собаку назвал тот же доктор Костюченко, когда лохматый пес, черно-бурого окраса, попал в лабораторию.

– Кого я вижу! Вылитый Васька, братец моей благоверной.

И вот теперь Олечка узнала от доктора Костюченко, что в этот понедельник Жору...

Была пятница. Павел, муж Олечки, смотрел телевизор и едва кивнул ей, когда она тяжело вошла в квартиру. За двадцать лет совместной жизни они не то, чтобы стали чужими. Нет. Но они отдалились друг от друга. И Павел иногда даже повышал на нее голос. У каждого были свои интересы. Олечка смотрела ток-шоу в спальне. А муж -научные программы и новости в зале. Они старались жить так, чтобы не мешать друг другу. Их сын-студент Саша снимал квартиру недалеко от дома, где жил отдельно с девушкой, которую еще даже не показал родителям и имя которой он хранил почему-то в секрете, как бы Олечка не допытывалась.

Олечка не могла ни есть, ни смотреть телевизор. Она долго стояла под душем. Потом вышла на лоджию. Потом вернулась на кухню. Выпила воды. Потом снова включила душ. Картина в тяжелой золоченой раме, где Жора с его пронзительными глазами с мольбой смотрит на Олечку, расчленила ее голову напополам. Олечка как призрак бродила по дому. Она не могла найти себе места. Ночью она не сомкнула глаз, и поминутно ворочалась в постели, и снова бегала в душ, пытаясь избавиться от мук душевных. Утром она была разбита, с мешками под глазами, как после новогодней ночи в ее давнюю студенческую пору. Олечка с трудом переносила бессонницу. Муж Павел знал об этом ее свойстве, и этот их семейный праздник всегда завершался поздравлением президента и бокалом шампанского.

И потому сейчас Павел внимательно всмотрелся в Олечку.

– Что у тебя случилось? Что мучает тебя? Я могу помочь?

Олечка рассказала мужу о Жоре. Павел пожал плечами. Он не любил животных в доме и был дотошным чистоплюем. Выключатели, дверные ручки в доме, телефон Павел тщательно протирал антисептиком, как неостребованная домохозяйка. Хотя, Павел не бездельничал, он ходил на работу в АКБ Антонова, где числился менеджером.

Не найдя понимания мужа, Олечка распласталась на постели, обреченно закрыв глаза. Павел заглянул в ее спальню. Заходил по дому, нервно и много пил воду, потом стало слышно, как в ванной загромыхал душ.

В ночь на понедельник Ольга и вовсе не ложилась. Она стояла у распахнутого окна на кухне, тяжело вздыхая и шмыгая носом. Она знала, что в девять утра лаборатория наполнится народом. До десяти они будут гонять чай и непринужденно болтать. Все эти люди: доктор Костюченко, аспирант Церковный, ассистенты, студенты, отличники, двоечники, которые будут резать, потрошить, вшивать, зашивать... И может быть, все эти их варварские действия не так уж и актуальны в наше время и есть уже альтернатива подопытному зверью? Ведь, все живое должно жить! Оно появляется на свет не для опытов. А человек так бесстрастно пускает их в расход, стабильно, столетиями.

Аспиранту Церковному нужна докторская диссертация, чтобы потом найти работу в хорошей клинике, где будут богатые пациенты. Стоят ли денег эти жертвы? И где этот собачий Бог, который там в небесах, все видит?

А после чая, к десяти часам, Жоре сделают укол. Олечка зарыдала.

Муж Павел поднялся с постели, подошел к ней. Ее глаза были воспалено-красными. Павел обнял Олечку за плечи. Она еще пуше залилась слезами.

Бросилась мужу на шею. Павел утер ее слезы. И у нее отлегло от сердца.

– Забирай его! Я тоже хочу это.

Павел вызвал такси. Было уже 6 утра. И они помчались к институту травматологии и ортопедии. Сонный сторож Алексей, недоуменно смотрел на Олечку, на ее сбивчивую речь, нервную дрожь в руках.

– Ранняя вы птичка! – только и сказал он ей.

Жора встретил Олечку визгом. Он, казалось, все понимал. И в этот момент, когда она вбежала в виварий, к его клетке, он вскочил, пошатываясь на лапах и начал взахлеб лизать ее непослушные руки. Она долго возилась с замком. Наконец, клетка распахнулась.

Когда Олечка по-воровски выводила на веревке Жору, умоляюще глядя на сторожа, и приложив свободную руку к выпрыгивающему сердцу, тот молча наблюдал за этим криминальным правонарушением под названием открытое похищение чужого имущества.

В девять утра Олечка уже была на работе. Начальство все уже знало. Олечку сразу уволили.

Жора живет в семье Ольги. Его радушно приняли ее муж Павел и сын Саша, который тут же пришел познакомиться с новым членом семьи и привел свою подружку по имени Лена. В семье воцарилось понимание и вернулось тепло прежней любви.

И пусть Жора хромот, но это выходит у него очень интеллигентно. Почти, как Байрон! Или Жоффрей де Пейрак. Жора теперь в доме Олечки настоящий король. Он не сводит глаз со своей спасительницы. Она для него Богиня! И Павел, и Олечка, и их сын Саша с невесткой Леной обожают пса и даже ревнуют его друг к другу.

А, когда Павел, муж Ольги, случайно повышает на нее голос, Жора тут же вплотную подходит к нему, подымает на него свои умные человеческие глаза и одергивает того предупреждающим рыком.

21.11.2020.

Два поцелуя для шведа ОЛЕ

Я стараюсь не смотреть на даму в бизнес – классе. Гляжу то в блокнот с английскими глаголами, то на причудливые облака сквозь иллюминатор. Но мой блуждающий взгляд все время натывается на даму.

Она холеная, богато одетая. Драгоценные камни, на пальцах и в ушах. Потягивает коньяк из бокала. Я сижу сзади нее, наискосок, в экономе – классе. И даже, если я буду упорно не замечать ее, мой нос не в силах быть со мною солидарным. Дама единственная, кому лоснящийся стюард приносит на подносе напитки, еду, десерты. И все время лыбится ей, чуть ли не кланяясь.

На «Эйр-Балтик» не кормят пассажиров. Исключение лишь тем счастливым, кто в бизнес – классе. Несправедливо, конечно. А таких на борту всего один человек. Холеная дама в драгоценностях. Она и поедает оранжевую семгу, и другие вкусности.

Но жизнь в полосочку! Может, и у меня скоро будет бизнес класс, элитная еда, напитки и услужливый стюард. Хотя, последнее мне ни к чему. Не люблю, когда человек так унижается. Можно подать еду, и, не теряя достоинства.

Я извлекаю из сумочки пакетик с орешками, шоколад, вяленые фрукты. Шуршу упаковкой. Дама оглядывается на меня. Видать, ей моего десерта захотелось! Я протягиваю ей орешки. Она улыбается, деликатно отказываясь. И устремляет взгляд в затейливые облака сквозь иллюминатор. А я снова углубляюсь в блокнот с английскими глаголами.

Я Рита. Марго. Маргарита. 40 лет. Красоты легко описуемой. Блондинка. Синие очи. Стройная. И лечу я в Швецию. К Оле. Так зовут мужчину, который, возможно, и изменит мою жизнь к лучшему.

Оле-оле-оле! Мы нашли со шведом на брачном сайте. Правда, я сначала и не подозревала о том, что я фигурирую здесь в качестве невесты. Анкету разместил мой муж Костя. Когда решил уйти к другой. Ее имя Лера. Секретарь фирмы «Рыбка золотая».

Муж Костя загрузил мою лучшую фотографию, где я в белой блузе с треугольным вырезом, удлиняющим мою итак длинную шею. Пшеничные волосы струятся по плечам. Жирка на бедрах еще нет. Фото пятилетней давности. Скромная, загадочная, с тронутыми усмешкой губами и с руками, сложенными под грудью, как у Джоконды. Правда, мои руки, в отличие, от нежно-масляных рук Джоконды, загорелые. И натруженные, очевидно, на клавиатуре компьютера. И оттого, возможно, на моих пальцах стерты отпечатки. Но я сейчас не о дактилографии. Я о моем заботливом муже Косте.

В первый же день мне пришло аж 180 писем. От мужчин всего мира. И даже из Японии. И муж Костя, втайне от меня, впал в маниакальную переписку с самыми достойными, на его взгляд, женихами. Очень перспективным он считал японца Акиро. Инженера завода «Тойота». Акира писал мне искренние письма. И не прочь был уже и жениться. Во мне, милой, хозяйственной и доброй женщине, мастерице печь пирожки, с мясом индейки и грушевым повидлом, как расхвалил меня мой муж Костя, наивный японец, легко разглядел хорошую жену себе и добродетельную мать своим трем дочерям.

Я не умею печь пирожки ни с мясом, ни с вареньем. Хотя, давно могла бы научиться. Ведь, я большую часть времени нахожусь дома. Я редактор чужих литературных текстов. И пирожки меня интересуют, куда меньше, чем игра со словом. Но Костя считает, что лучше бы я пекла пирожки. А у Леры есть такой талант, печь пирожки. Она бывала у нас в гостях, принося собственную сдобу. С мясом индейки и грушевым повидлом. Хотя, теперь меня терзают смутные сомнения насчет этих пирожков. Ну, точно, Лера брала их в кулинарии! Маленькая женская хитрость! Видимо, Лера так же сильна была в выпечке, как и в английском языке.

Выучила лишь приветствия, которыми она и восхитила и меня, и жюри из «Рыбки золотой». Но об этом позже. Хотя, я не о Лере. Я о стараниях мужа Кости.

Муж Костя, фанатично строчивший ответы женихам, отвлекся на звонок мобильного, подозрительно уйдя в ванную и оставив свой компьютер открытым. Вот, тогда-то я и увидела всю эту брачно-любовную канитель вокруг моей особы. И мою фотографию в белой блузке. Сначала я остолбенела, а потом, начала читать. Боже! Какой, однако, интерес я вызываю у иностранных мужчин!

Канадец Мишель, снявший на месяц отель в центре Парижа, нервно звал меня в гости на «все включено».

– Быстрее! Быстрее, лети ко мне, милая Марго! Пока моя командировка не закончилась. Я покажу тебе, что такое настоящий мужчина!

Ничего себе! Настоящий мужчина! Как это он собирается мне показать?

Но перелет в Париж и обратно, предполагался за мой счет. Потому, как Мишель молчал, как партизан, на тему покупки билетов. А мой муж Костя сначала кокетливо, – будто бы пишу я, женщина беспомощная, – а потом уже настойчиво намекал на то, что поездку надо оплатить.

Норвежец Рун, готов был финансировать мой тур в Испанию, на его виллу у моря, а потом и в его дом в Осло.

Ух, ты! Интересно, в обмен на что? «А поговорить»? Но я совсем не знаю, ни английского языка, ни, тем более, норвежского.

Как видно, Костя торопился пристроить меня в хорошие руки. Ну, прямо как мужчина древней Греции, который обязан был по закону подыскать своей экс-жене нового мужа. К тому же, Лера ждала статуса замужней женщины. И потому Костя уже дописался с женихами почти до постели, пропустив такой приятный и романтичный конфетно-букетный период. Короче! Все мужчины хотели со мной только переспать. И никто не желал заглянуть ко мне в душу. Сказать, что я устроила мужу Косте скандал – ничего не сказать. Но, скандалы любопытны читателям с сомнительными интересами. А вы, мои читательницы – исключительно интеллигентные барышни! Единственное, что могу сказать из опыта. Не надо ругани, остывшего очага! Сделайте вид, что ничего не произошло! Наоборот! Проявите заботу! Ласку. Ведь, мужу тоже нелегко. Сделайте выбор. Сжечь дом, который он строил. Срубить дерево, которое он так старательно высаживал. Поиграйте! Даже, назло сопернице! Ведь, морозные бури только толкнут заблудшего мужа в жаркие объятия хищницы. Да, научитесь, наконец – то, печь эти паршивые пирожки!

Короче! Тяжесть предательства плитой наваливается на мою душу. И вот-вот раздавит ее. Я тут же даю японцу Акире дружеский ответ. – Не смей мне больше писать. Мне не подходит ни твой разрез глаз, ни твоя стесненная географией страна, ни твои генетические претензии насчет Русских Курил. Я не сумею постичь твой японский язык. И потому не смогу понять твою японскую душу. И самое главное, я не умею печь пирожки! Акира прислал мне вежливое письмо. Но я удалила и японца и других плотоядных женихов.

Муж Костя уходил от меня, гордой и холодной. К жаркой, любвеобильной Лере, мастерице на все руки. Кстати, о пирожках! Леру я хорошо знала. Как нашу секретаршу. С ней виделась не раз на праздниках фирмы, где мой муж Костя значился директором. И пару раз у нас дома, с ее пирожками... из кулинарии. Точно, из кулинарии! Ведь, Лера не смогла распознать, где выпечка с грушей, а где с индейкой, когда я, расплывшись в наивном умилении от ее гостинца, на моем столе, задаю ей вопрос.

– А, где же с вареньем? И теперь я серьезно волнуюсь за Костю. Он хочет пристроить меня в хорошие руки. А сам? В какие он руки попадет? Лера втирает ему про пирожки. Значит, она не честная и в остальном! А он, глупый, всему верит. Как же мне жалко его! Пирожки эти дорого ему обойдутся. Короче, муж Костя уходил. И тут, по классике жанра, надо бы сойти с ума, накинуть на себя веревку или сброситься с крыши нашего многоэтажного

дома. Но у меня есть мой ангел-хранитель. Это Тэд. Он снится мне в трудные моменты жизни. И жизнь уже кажется не такой уж и дерьмовой.

Тест на совместимость

Холеная дама в бизнес – классе допивает коньяк, пресыщено отодвигает фужер, блеснув бриллиантом на пальце. Откидывается в кресле, сверкнув сапфиром сережки. Я гоню назойливые мысли, которые злючими мушками роятся в моей голове. Выедают мой мозг. Мушки – это Лера. Лера – это мушки! И мне трудно от них избавиться! Лететь до Стокгольма еще три часа! С пересадкой в Риге. И потому я успею вам рассказать о нашей секретарше Лере. Если хотите. Когда мой Костя открыл фирму по продаже норвежской рыбы, понадобилась секретарь. И Костя со своим замом Сашкой Рыжим, дают объявление об этой вакансии. Лишь только первые фуры с Норвегии начали доставлять мороженую треску, как тут же явились живые акулы. Телефон захлебывается от звонков. Кто бы мог подумать, что мороженая рыба может привлечь столько красавиц! Оказывается, желающих быть хранительницами тайн рыбного босса не меньше, чем рыбы на складе фирмы. Костя с замом Сашкой Рыжим шокированы этим открытием. И на радостях устраивают кастинг.

Три дня, с утра до вечера, рыбный офис напоминает модельное агентство. Муж Костя с замом, как осоловевшие коты, развалившись в креслах, ощупывают горящими взорами претенденток, курсирующих, по красной дорожке, постеленной для этого случая в торговом зале. Глаза мужиков разбегаются. Мысли прыгают. А не сменить ли направление фирмы! С рыбы, да на модели! А тут неожиданно являюсь я. В офис. Проходила мимо! Решила отвлечься от бесконечного клацанья на клавиатуре. И вот я вижу картинку. Как в мультике. Сменяющихся красоток. И жюри из Кости и Сашки Рыжего. Они меня не замечают. Они там, в мультике. Я скромненько прячусь за пальмой в кадучке, люблю картинкой. Красотки, одна краше другой. Еще те работницы! Хищницы, разорительницы чужих гнезд, охотницы за чужими, пардон, яйцами!

И тут на красную дорожку, вслед плывущим красавицам, выходит она. Как недоразумение. Резкий контраст! В темной длинной юбке, в светлой блузе, в очках и с зализанным пучком волос на макушке. Моль серая, обыкновенная. И, вдруг, эта моль начинает говорить на английском! Будто бы в продаже рыбы это имеет значение. Без английского языка паршивого минтая не продать! Но, именно такая дева лучший вариант. Она будет хранить рыбные тайны. А не охотиться на чужих мужей. Это- то, что надо! И тут я выхожу из-за пальмы. Муж Костя и Сашка Рыжий меняют выражение лиц. Мне, вероятно, очень рады, предлагают присесть. А я, пользуясь, случаем, вставляю свои пять копеек. Останавливаю выбор на той самой серой моли в очках. Возвращаю мужиков из модельных грез в будни оптовой торговли рыбой. Убеждаю их, что именно эта скромная девушка – самая лучшая секретарша. Именно такая будет работать, что и есть главной целью этого их трехдневного марафона. А английский язык, как я убедил жюри, – это самый убойный аргумент в пользу секретарши фирмы «Рыбка золотая». Так серенькая Лера оказалась на фирме.

Через несколько дней я забегаю в офис. Просто проходила мимо. Я не верю своим глазам. Лера преобразилась. Как невзрачная гусеница, сбросившая с себя блеклый кокон, она порхала по офису красивой бабочкой, типа Монарх, расправившей яркие крылья. На ней была короткая пышная юбка, как пачка у балерины, секси – блуза, каблуки и все то, что делает женщину женщиной: красная помада, маникюр, глаза в черной туше и украшения. И никаких очков! Девушка оказалась хитрой. Сделала нас всех! По первому классу!

– Женщина, вы к кому? – пропела Лера. Я смутилась, в том числе и на гадкое слово «женщина» и, не найдя, что сказать, быстро вышла из офиса «Рыбка золотая».

Ну, а позже и началось! Муж Костя допоздна на работе, букет красных роз ему на день рождения от секретарши Леры, билеты в оперу на двоих в кармане пиджака мужа, пылкие взгляды Кости и Леры на корпоративах...

Надо же! Оказывается, в природе существуют особи, которые мастерицы и пирожки выпекать и рога наставлять!

Водитель каждое утро заезжает сначала за Лерой, потом к нам во двор, за моим мужем. А я, сгорая от ревности, высовываюсь за ограждение лоджии, вижу на переднем сидении длинные ноги Леры, в красных туфлях, в короткой юбке. Она поворачивает лицо, с губами в яркой помаде, в сторону моего мужа, открывающего заднюю дверь, улыбается ему... И мне кажется, что за ее спиной колыхаются огромные крылья бабочки Монарх.

И я, в состоянии аффекта, сбрасываю на крышу машины чашку с недопитым кофе. Машина взвизгивает и срывается с места.

Марина Влади швыряла в Высоцкого эмалированным тазиком с высоты своего балкона. С пятого этажа. И чуть не попала! Таз укатился в кусты. Высоцкий на секунду остановился, глянул, куда упал таз и убежал. Видать, ревнивая Марина думала, что муж тоже крутил романы на стороне! Мне об этом случае с тазиком рассказала моя подруга Валька Бомбейкина, жившая в одном доме с Высоцким.

Но наш самолет скоро начнет снижение. В Риге пересадка. На самолет в Стокгольм. И у меня в Риге всего 30 минут. Сейчас не до хищницы Леры. Скажу кратко. Она живет с моим мужем. Она в шоколаде. Кажется, они оба счастливы. Это мне Сашка Рыжий скупно так поведал. А я лечу неведомо куда, к какому-то шведу Оле. Нельзя верить женщинам, самым опасным хищникам. Тем более, если они склонны к маскараду. Сначала в образе серой моли. Потом в образе роскошной бабочки. О мужиках я, уж, помолчу.

Предательство мужа - не повод для сожаления. Ну, были вместе. Ну, разбежались. Жизнь на этом не заканчивается! Она, как спираль. И теперь новый виток. Возможно, лучший.

Просто, я открыла почту и нашла письмо шведа Оле. Сначала хотела удалить, как и другие письма. Но потом решила, а пусть будет. Коль родному мужу это надо, то почему бы и нет? Он же хотел меня пристроить в хорошие руки. Не каждый муж так заботится о своей брошенной жене! Ну, кроме древних греков.

Я ничего почти не знаю об Оле. Живет он около Стокгольма. У него свой дом, он разводит лошадей. Мы перекинулись с ним парой писем. Я сказала, что я не по своей воле здесь, на сайте, и что мне все это не нравится. Он написал в том же духе. Разочаровался, мол, он в этом брачном проекте. Много мошенников, корыстных женщин. И тоже хотел уже, было, удалить свою анкету. А тут наткнулся на мое фото... В белой блузе. И мы решили исправить впечатление о сайте. Мы пошутили на эту тему. И Оле сам предложил мне поездку к нему. На две недели. Купив билеты в обе стороны. – Это будет тест на совместимость! – сообщает он. – Тебе повезло. Мне пишут сотни женщин. Они готовы на все, чтобы замуж выйти. А я выбрал тебя. – Повезло? Странно. Наверное, это шутка? Или дурной Гугл – перевод. Мы совсем не знаем друг друга. Может, мы не сможем быть вместе. -Я с тобой, совершенно, согласен. Химия имеет большое значение. А, может, мы не подойдем друг другу? -Химия!? Ты это о чем? Мы еще чужие люди.

– Ты абсолютно права. Сначала надо познакомиться. Я благодарю его за великодушие и делаю акцент на том, что секс исключен, мы с ним только знакомимся. Оле легко соглашается. Может, это выход? И Оле станет моим принцем! Может, я тоже расправлю крылья! Стану, как бабочка Монарх! В любом случае это новый миг моего приключения под названием жизнь, и которое обязательно будет ярким. И, может быть, я, тоже стану счастлива? Ведь, всю свою жизнь я была серой мышью. Верила мужу Косте, который повелся на вранье длинноногой девицы. Редактировала лабуду чужих текстов, не сходя со стула перед компьютером. Я мало знакома с реальным миром! Хотя, исправлять тексты, подбирать слова, купаться в сюжетах,

хочу вам сказать – занятие роскошное! И оно приносит мне счастье. Ты улетаешь в миры иные, иллюзорные, где нет суеты, где почти всегда хеппи-энд! А все вокруг, в мире реальном, такое несовершенно! И ты уходишь с головой в чужую жизнь, и забываешь о своей собственной. И хочешь взять ветку и отгонять, как мух, всех, кто мешает тебе летать в мирах этих призрачных. Может, потому мой муж Костя ушел к реальной Лере? Теплой Лере, с нарядными крылышками и с этими долбанными пирожками, пусть даже из кулинарии. Да! Мне бы встряхнуться, начать новую жизнь! Рвануть в приключения! И, может, начать самой писать! Ведь, как хорошо, наверное, быть писателем! Издаваться, иметь славу, а, может, и деньги?

Самолет начинает снижение.

ТЭД И ЗОЛОТЫЕ СОПКИ

Теперь я не уверена, любил ли меня Костя. А любила ли я его? Мы порой ссорились. И замуж я вышла за него, потому, что так надо было. Так установил кто-то. Уже стукнуло 20 лет, значит, быстренько найди себе пару, создай семью. Иначе, останешься одна. Вон, и подружки выскакивают замуж, одна за другой. Как поджаренный хворост на сковородке. Спешат успеть! Так и я. Успела. Когда мы ссоримся, мне снится Тэд. И жизнь приобретает позитивные краски. Тэд неуловим, недосыгаем. Он где-то в золотых степях Ала-Тау. Это была первая школьная любовь. У него. Мальчишки из моего класса. Любовь взглядами, случайным прикосновением рук на переменке, странной запиской в кармане моего пальто, висящем в раздевалке. «Я. Т. Л.» Я лишь догадывалась об этой его любви своим невинным умом. И никто бы и не узнал о ней. Если бы не его родная сестра Аська. Она нашла у него под подушкой дневник. И прочла. И рассказала всему нашему классу. И все узнали. И мне стало стыдно. Дурочка Аська! И я тоже. А после этого в моем портфеле я увидела записку с гордым признанием: «Я с тобой покончил. Прости за любовь». И снова, в последних классах, на моем учебнике по литературе, где на обложке я нарисовала рожицу Петра Б., нашего новенького учителя физкультуры, и мечтательно подписала: «Петя Б.», появилась надпись: «Петя Б. дурак. Я. Т. Л.». А рожица Пети Б. была яростно перечеркнута шариковой ручкой. Я стеснялась этой его тихой любви. Может быть, из – за моей юной безгреховности. Мои одноклассницы давно уже бегали на дискотеку, нарядные. А я, сидя за книгой, у окна, с грустью глядела им вслед. А, может быть, из-за необычности Тэда. Мы, как раз проходили Шекспира и учительница литературы, рассказывая о черном мавре, вдруг, уставилась на Тэда. Училка эта, вообще, была странная. Она произносила Гамлет, ставя ударение на последнем слоге. Гам-лет. Когда же она засмотрелась на Тэда, отождествляя его с Отелло, все в классе засмеялись. Тэд был похож на Отелло. А я на его фоне казалась, наверное, беленькой и беззащитной Дездемоной. А, может быть, я смущалась его глаз, генетически прячущихся за нависшими веками от пылевых степных бурь. Дело было в азиатской республике. Тогда смешанные пары встречались редко. И я бросалась в него колючими взглядами. В ответ на его, уставленные на меня раскосые глаза, полные восхищения. Вот, я стою, как овца, у доски, на уроке ненавистной алгебры, краснею, бледнею, еще миг и шлепнусь в обморок. А наш Дукарт, учитель, все ходит вокруг, донимает меня своими вопросами и слюняво пялится на мои ноги, в короткой форме. Я растерянно смотрю на класс. Жду подсказки. Класс безмолвствует. Все заняты своими делами. И только он, Тэд, шепчет мне что-то в ответ. Но я ни фиги не понимаю. И зло сверкаю на него глазами. Восточная наука алгебра для меня до сих пор загадка! А на выпускном вечере он, вдруг, впервые, так смело, берет меня за руку. И мы бродим с ним по нашим золотым сопкам, окружающим наш городок. И говорим... О наших мечтах. Тэд хочет делать кино! Я хочу писать книги. Но все это так далеко, так эфемерно. Но мечты должны сбываться! Но к мечте надо бежать! Он держит мою руку и кружит вокруг себя, и моя пышная юбка разлетается, будто мы на балу. И вдруг он мне говорит, будто прочтя мои мысли, что не сможет никогда на мне жениться. Его семья не позволит этого. Русская жена-табу. А потом мы теряемся во времени и жизни. Он уезжает в один

далекий город своей страны. Я уезжаю в другой, далекий город, в Россию. А еще позже, звонок на домашний телефон. И молчание. Я дома, на каникулах. И я интуитивно догадываюсь, что это он. Из своего далекого города.

– Тэд? Ты это? -Привет! Я хочу тебя видеть. -Что мешает? -Я прилечу. Сейчас. И он прилетает, добирается на попутках в наш городок. А его мама растерянно делится по телефону с моей мамой этой новостью: Тэд почему- то летит домой. Хотя, был тут неделю назад. Странное дело. Когда он является ко мне, моя мама многозначительно бросает на меня взгляд. Уже скоро 20 лет. Уже пора бы и замуж. Так принято. Хотя, разные нации. А это пока не принято. Мама тихо спит в своей комнате. А мы тихо шепчемся на кухне. И он вдруг говорит, что впервые познал женщину. Его сокурсница. И он должен на ней жениться. И мне становится больно. Женщины ревнивые создания. Пещерные инстинкты! А, когда мы снова уезжаем по своим городам, он пишет мне письма, полные романтики. И грозит, что, если я выйду замуж, то моему мужу несдобровать. Потом я узнаю, что Тэд женился. На той своей сокурснице. На девушке, с раскосыми глазами. Она дочка милицейского чина. Потом Тэд женился еще раза два. На дочерях больших начальников. Это я узнаю от своей мамы, которая дружит с его мамой. И моя мама даже была приглашена на одну из свадеб, на которой Тэд весь вечер живо общается с друзьями. И почему- то даже не смотрит в сторону своей одиноко грустящей невесты. Мы больше не видимся с ним. Он становится влиятельным человеком в правительстве страны. И его родная сестра Аська, рядом с ним, сделалась важной чиновницей. И однокурсники надоедают ему всякими просьбами. В соцсетях его нет. А мне так хочется поболтать с ним на ФБ. Говорят, что он прилетал на вечер встречи с нашим классом, на своем самолете. Организовал ресторан. Сам, почему -то в трапезе не участвовал. И улетел, не попрощавшись. Я тоже вышла замуж. Житейские штормы бросали меня, то на один берег страны, то выносили на другой. Но, всегда, когда мне тяжело на душе, мне снится Тэд. В хорошем, теплом сне. Защищая от всех невзгод. Он берет меня за руку и кружит вокруг себя. И я просыпаюсь с загадочной улыбкой и становлюсь счастливой. Когда любишь, иначе дышишь. Иначе видишь, летаешь, паришь над землей. Я любила его любовь ко мне. Но, кажется, мой самолет вот-вот стукнется колесами о бетон. Хватит слюней! Пора вернуться в реалии.

ЭРОТИКА СО СКАНЕРОМ

Мы приземлились. Мы уже в автобусе. Ждем. И наблюдаем за сценой на трапе. По нему вальяжно спускается семейка с двумя мелкими девчушками. Молодые родители устроили игрища на трапе. У каждого их ребенка по багажу, в виде машинок розового цвета на колесиках. И вот эти розовые машинки девочки тянут за веревочки по трапу. Шаг за шагом. Ступенька за ступенькой. Родители восхищенно подбадривают своих чад. Учат жизни, как кошки учат котят. Они спокойны. Они, очевидно, шведы. А я бешусь. И нервно гляжу на часы. До окончания регистрации на Стокгольм осталось 15 минут. Я выбегаю из автобуса. Мчусь в зал таможенного досмотра. И вижу несколько длинных очередей, разделенных лентами. Моя соседка, та холеная дама, уже на контроле. Пассажиры бизнес класса вне очереди. Несправедливо! Я опаздываю на самолет. Протискиваюсь сквозь строй, слышу смешки пассажиров сзади. Реакция европейцев. Лезть без очереди – хамство, примета, по которой можно распознать наших соотечественников. Очередь вежливо оттирает меня назад. Я к девушке в форме, с рацией в руке. Показываю билеты. Она ведет меня вперед. Я ставлю на ленту свои сумки. И милая девушка на досмотре отбирает у меня банку с медом и воду. Бросает в контейнер. Наверное, после смены работники таможни радуются всей добыче, деля ее меж собой! Не думаю, что все это утилизируется. Таможенник в Борисполе, чисто по- домашнему, позволил мне пронести баночку с медом и бутылку воды. Пожалел! А тут все жестко. Но долой эмоции! Препятствия продолжаются. Начинается эротика со сканером.

Нет, я не стирала нождачкой отпечатки пальцев. Не вытравливала их кислотой. И не срезала кожные узоры лезвием, как это делают ушлые уголовники. Но сканер никак не хочет показывать мою дактилоскопию, хотя я очень старательно прикладываю пальцы к стеклышку, слушая указания пограничника. Парень в форме не выдерживает и зовет на помощь коллегу. Вдвоем они прижимают мои пальцы, то сильнее, то слабее. Их руки влажные, прикосновения очень интимные... Биометрия гарантирует быстрый пограничный контроль. А с моими пальчиками, стертыми, очевидно, на клавиатуре, на границе всегда затор. Пассажиры молча терпят, а мы все стараемся, меняя позы пальцев. И я, ощущая знойную руку молодого пограничника, уже кокетничаю с ним: – Ну, не можете идентифицировать, не выпускайте. Останусь здесь жить, с вами. Погранцы сопят над моими пальчиками. А, может быть, у них сканер такой? Шаурмой запачкан! Я достаю салфетку влажную, протираю стеклышко. О, чудо! Сканер ожил! Наконец – то, у нас все получилось. Ха! Прибалтика в Евросоюзе, а руки, видать, по – прежнему не моют. Я выбегаю из зоны контроля. Ищу свой терминал. И попадаю в длиннющий магазин. Это новая западня. Это дьюди-фри. И я понимаю, что «Эйр-Балтик» считает, что каждый пассажир обязан побывать здесь и потратиться. Пока я, путаясь, ищу выход из стоек с рижскими бальзамами, конфетами и разной коммерческой хренью, я опаздываю на свой самолет в Стокгольм. Девушка в синей форме и рацией захлопывает перед моим носом стеклянную дверь выхода к самолету. Я чуть не плачу, прошу девушку сжалиться, пустить. Девушка неумолима. В аэропорту Читы, как- то было дело, я тоже задержалась на транзите.

И уже посадка во Владивосток закончилась, и двери закрыты. Но наши ж, люди душевнее! Прониклись, пустили. А тут, блин, все так бесчеловечно! Самолет стоит еще десять минут. И я все это время люблюсь им, умоляя девушку. А потом с тоской смотрю, как поднимают трап и раскручиваются лопасти пропеллера. В кассе мне отказываются возместить хотя бы часть стоимости билета. Предлагают купить новый, за 140 евро. Служба пограничного контроля выполняет свою работу. А «Эйр-Балтик» свою. Ну, не судиться же мне с ними! Мне надо в Стокгольм! А не носиться по судам Риги. И это логично. И, очевидно, что об этом здесь знают и злоупотребляют. Вместе со мной у кассы рыдает женщина с ребенком в коляске. Им тоже не хватило 30 минут. Блудили по просторам аэропорта. Путались в западне дьюти-фри. И им тоже отказали возместить билеты. Я устало падаю в кресло. Что делать? Оле ждет. Если я не приеду, что подумает обо мне швед? Очередная мошенница? Но у меня нет денег. Свободных денег. В кармашке трусов, застегнутом на английскую булавку, лежит НЗ. Это несколько соток долларов, взятых в долг у Славика, моего приятеля, продавца антиквариата. На случай форс-мажора. Если, вдруг, я окажусь в Швеции без помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.